Наверное, артиллеристы придумали поговорку, мол, снаряд не попадает дважды в одну воронку. Вот что я скажу желающим проверить утверждения снарядометателей: на Новый год попадет.

Началась эта история в конце 80-х годов прошлого века в Крыму во времена сухого закона. Начальник отдела хранения ракетного вооружения для надводных кораблей и катеров одной секретной ракетно-технической базы капитан третьего ранга Василий Рысин сидел в своем кабинете и, улыбаясь, смотрел на плакат «Пьянству – бой!». Это была страница, аккуратно вырезанная из газеты «Флаг Родины». На ней был изображен мужественный широкогрудый матрос, одной рукой отодвигающий рюмку, надо полагать, с водкой. Это произведение типографского искусства приказал развесить в каждом кабинете заместитель командира по политической части капитан третьего ранга Владимир Егорович Маленький. Трудно было найти человека на всем Черноморском флоте, который бы настолько не соответствовал своей фамилии. При росте 185 сантиметров Маленький весил 170 килограмм. Из-за неприлично выпирающего живота замполит не видел своих ботинок, поэтому часто спрашивал дневального по роте, хорошо ли у него надраена обувь и не развязались ли шнурки. Владимир Егорович мог выпить два литра водки и оставаться при доброй памяти и адекватном поведении, чем очень гордился. Он засиделся в заместителях потому, что пострадал за правду.

Шесть лет назад в воинскую часть с проверкой нагрянул контр-адмирал, член Военного совета Черноморского флота (начальник политотдела). Главный политбоец флота со свитой осмотрел административную территорию ракетно-технической базы и остался доволен увиденным. Все бордюры на дорожках были свежепобелены, деревья как на подбор подстрижены и «обуты» в белый сапожок. Это можно назвать его слабостью – все деревья на одинаковую высоту от земли должны быть покрыты раствором извести. Устав от длительной прогулки, он сел на лавку и с удовольствием прикурил от угодливо поднесенной ему зажигалки своего адъютанта. Начпо сладко затягивался сигаретой, пуская дым через ноздри в холодное декабрьское утро. Когда-то седеющий контр-адмирал начинал свою офицерскую службу в этой части секретарем комсомольской организации и теперь неторопливо вспоминал былое. Он скользил глазами по обновленным агитационным щитовым конструкциям: «Не почистишь бляху – в бою дашь маху», «Красив в строю – силен в бою», «Шагая, тяни носок – не получишь пулю в висок». Последний военный постулат был как минимум не безупречен, но цеплял глаза. «Нет, все-таки надо сказать, чтобы его заменили на другой», – подумал замполит. С этой мыслью он поднялся и отправился в сторону КПП навстречу внушительных размеров щиту со словами: «Матрос! Береги военное и казенное имущество!» На шинели начпо отпечатались белые линии от не успевшей высохнуть краски на скамье. Офицеры штаба, сопровождавшие своего начальника, не решались сказать ему о небольшом конфузе и предпочли не замечать белые полосы на черной шинели. Капитан третьего

ранга Маленький шел рядом, не зная как поступить. Рассказать о досадном событии – значит, навлечь гнев на свою голову, промолчать – не известно как еще судьба повернет. Владимир Егорович на выходе из КПП все же решился и открыл «тайну». Вся свита вмиг всполошилась. Матросов, дежуривших на КПП, отправили за скипидаром к старшине роты. По ледяному голосу контр-адмирала замполит Маленький понял – скипидар ему не поможет.

Декабри Владимир Егорович с тех пор не любил. Они навевали ему мрачные воспоминания. Так что декабрьским морозным утром, за пять дней до Нового года, замполит ракетно-технической базы прогуливался с угрюмым видом по территории военного объекта с острым желанием кого-то прихватить или наказать. Из окна своего кабинета капитан третьего ранга Рысин увидел грузно шагающегося замполита и решил спрятать в сейф канистру с самогоном. Накануне он провернул одну выгодную сделку и мог вполне гордиться собой. Ему было лишь немного досадно, что пришлось проворачивать удачную сделку через мичмана Дениса Лепилина, известного в воинской части пройдоху. Он заведовал продовольственным складом и был лицом особо приближенным к начальству.

Несколько дней назад Лепилин подошел к Рысину с душещипательной историей. В соседнем поселке жила баба Галя. Ее муж умер десять лет назад, оставив дом и большое хозяйство. Дети разъехались кто куда, о матери вспоминали только летом, когда присылали на отдых ее внуков. Остальное время года баба Галя коротала со своими немолодыми соседками, на дочери одной из которых был женат мичман Лепилин. Она-то и рассказала мужу о несчастье, случившемся с бабой Галей. У той из-за сгнивших бревен недавно обрушилась стена и крыша курятника. Она поделилась своим горем с соседкой, соседка поделилась с дочерью, та – с мужем. Надо сказать, что баба Галя не разделяла политику тогдашних руководителей государства в проведении и пропаганде сухого закона. Она гнала отличный самогон, настаивала его на травах и получала на выходе приличный виски. Правда, жители близлежащего военного городка еще не знали вкуса виски, но самогон на травах оценили и охотно покупали у предприимчивой старой женщины. Среди ее постоянных клиентов был и мичман Лепилин. Услышав о беде самогонщицы, он сразу смекнул, что можно с нее взять в обмен на новенький сарай – сорок литров самогона. Из них половину он планировал оставить себе. Дело осталось за малым – найти и доставить новый сарай.

Когда мичман Лепилин возник перед капитаном третьего ранга Рысиным, тот мучился тяжелым приступом похмелья после дня рождения жены, поэтому не сразу понял, что хотел от него надоедливый «сундук». Разговоры о бабе Гале, сарае, сдохших курицах звучали как барабанная дробь по пустому ведру до тех пор, пока не прозвучало волшебное слово – самогон.

Мичман Лепилин просил якобы в обмен на 20 литров высококлассного самогона привезти контейнер из-под противокорабельной крылатой ракеты «Термит». Этот деревянный контейнер идеально подходил для курятника. Он имел треугольную крышу, длина составляла шесть, ширина два с половиной, высота два метра. Доски контейнера были пропитаны огнестойким лаком и выкрашены такой же краской. Технологические отверстия имели антимоскитную металлическую сетку, доски на крыше были оббиты оцинкованной жестью. Ракетный контейнер являл собой образцовый советский курятник и просто обязан был переехать, по мнению мичмана Лепилина, в огород к бабе Гале. Недолго думая, начальник отдела хранения капитан третьего ранга Рысин, в ведении которого находились «суперкурятники», согласился. Вообще-то, когда ракеты использовали, то пустые контейнеры должны были отправлять обратно на завод-изготовитель, но их по разным причинам не возвращали. Деревянная тара накапливалась и постепенно приходила в негодность. К тому же для пустых контейнеров нужно было еще обустраивать места для хранения. Поэтому обменять контейнер на самогон со всех сторон выглядело благим деянием.

Когда контейнер на автопоезде в сопровождении автокрана отправился спасать курей бабы Гали, его благосклонно проводили глазами все участники события, включая двух контролеров КПП. Командир воинской части за пять литров самогона благословил этот поход. После завершения операции ограниченный контингент войск покинул чертоги самогоноварения и вернулся к местам постоянной дислокации. Баба Галя побрела открывать сарай. Распахнув двери, она ахнула – в сарае стоял самолет.

Ракета «Термит» действительно напоминает небольшой самолет. Благодарные военные моряки привезли старушке не пустой контейнер, а с новогодней начинкой – настоящей ракетой. Даже бабе Гале стало понятно, за ракету она не платила. Следующие три дня подряд она ходила на КПП как на работу и просила: «Сынки, заберите самолет». От нее лишь отмахивались до тех пор, пока прогуливающийся декабрьским утром замполит Маленький не заметил бабулю. Каким-то верхним чутьем он заподозрил неладное и почувствовал несказанное отдохновение. Он подошел к жалобщице и попытался выяснить, что за самолет приземлился у нее в огороде. Рассказ старой самогонщицы впечатлил его.

Разбор полетов оказался недолгим, но начался издалека. Сначала командир части, получив от зама исчерпывающий доклад, вызвал к себе начальника отдела хранения ракетного вооружения и хитро спросил, все ли ракеты у него на месте. Последний доложил, что все изделия находятся на штатных местах, и вручил командиру соответствующий рапорт.

Перед большими праздниками рапорты с докладами о состоянии хранимого вооружения и своих заведований писали все командиры подразделений. Таков был порядок.

Командир взял рапорт, протянул многозначительное: «М-д-а-а…» Потом перешел на более выразительный, матерный язык. После возвращения «самолета» баба Галя лишилась и курятника. Капитана третьего ранга Василия Рысина перевели к новому месту службы – сослали на Седую Балтику в однородную часть на равнозначную должность. Рысин был немного философом, считая, жизнь дается один раз и прожить ее надо в Крыму. Поэтому на ходу перестраивая свой взгляд на мир, он с горечью проследовал к новому месту службы.

Перестройка набирала обороты. В головы командиров воинских частей стали приходить планы личного обогащения значительно чаще, чем идеи, ускоряющие строительство коммунизма. К тому времени, если следовать официальной доктрине партии, мы уже построили развитой социализм. Пора, стало быть, подумать о себе. Командир Балтийской ракетно-технической базы предложил Рысину поучаствовать в строительстве кооперативных гаражей для себя и командира. Начальник отдела хранения настороженно спросил, что он должен делать. Командир пояснил: ничего особенного, просто есть коммерческая строительная организация, которая за два пустых контейнера из-под ракеты «Малахит» готова отдать три тонны цемента, тонну двутавровых балок, две тонны металлического грунта и три тонны арматуры. Уже стреляный воробей Василий Рысин, глядя на плакат, висевший на стене командира, «Что сделал для перестройки ты?», изображавший отважного широкоплечего матроса, указывающего на созерцателя пальцем, на минуту задумался. Он понимал, что жизнь состоит из постоянного поиска компромиссов, т.е. приведения к соответствию вложенных усилий к получаемому результату. Про вложенные усилия он все понимал, а какие могут быть последствия, предсказать затруднялся. Пауза неприлично затягивалась, и командир взбодрил своего собеседника звучным вопросом: «Ну что?!» Рысин кивнул головой – капитальный гараж стоил того.

Начальник отдела хранения приготовил два пустых контейнера. Это были настоящие произведения строительного искусства. На каждом сваренном металлическом поддоне на двутавровых полозьях красовалась деревянная надстройка длиной десять, шириной почти два, высотой два с лишним метра. Оцинкованная жесть покрывала крышу, усиленную балками и семислойной фанерой. Технические отверстия были закрыты мелкой металлической сеткой. Весило строительное чудо около двух с половиной тонн. Контейнеры должен был забрать мичман Аркадий Перегар.

Перегар числился нарушителем штатной дисциплины, т.е. стоял на одной должности, а исполнял другую, точнее, никакую. Он состоял при командире части человеком для особых поручений, связанных со строительством командирского гаража, дачи и т.п. В круговерти «левых» дел он не забывал и про себя. Аркадий Перегар был изворотлив, хитер и ленив одновременно. Получив инструктаж о том, что контейнеры стоят на телегах и к ним нужно только подстыковать тягач, кивнул головой и отправился в автопарк за двумя тягачами и автокраном. Капитан третьего ранга Рысин спокойно продолжил заниматься служебными делами. Напрасно ничего не екнуло у него в груди. Дело в том, что на другой площадке были приготовлены к разгрузке две недавно полученные с завода-изготовителя ракеты. Они также находились в контейнерах на телегах. Если бы мичман Перегар поехал забирать контейнеры сам, наверное, все было бы в порядке. Только ему захотелось покурить и поболтать со смазливой военнослужащей-контролершей на КПП.

На пальцах Перегар объяснил матросам-водителям откуда нужно забрать груз, и те отправились исполнять поставленную задачу. Когда матросы вернулись на КПП с контейнерами, порученец для особых дел успел получить согласие от контролерши на романтический ужин. К этому времени на КПП подъехал и автокран. Колонна из трех автомобилей двинулась навстречу своей непростой судьбе. По дороге на крутых подъемах водители сетовали, что тягачи плохо тянут, и пора в двигателях перебрать клапана. Автокрановщик при разгрузке контейнеров чуть не опрокинул автокран, когда опорные лапы ушли глубоко в землю, и стал жаловаться на мягкий грунт. Контейнеры в конце концов выгрузили, и автоколонна двинулась в обратный путь. Немного замешкался сам Аркаша Перегар. Его задержали покупатели, они не смогли открыть контейнер – не сумели выбить щеколду. Мичман порученец в сердцах бросил им: «Вы что, совсем отупели?» Взяв молоток, мичман размашисто ударил по щеколде. Тяжелые створки дверей со скрипом распахнулись. Из контейнера с упрямостью бесспорного факта выглядывала ракета «Малахит». Во втором контейнере картина повторилась. Две боевых ракеты «Малахит» неожиданно получили коммерсанты-строители за три тонны цемента и пять тонн железа. Первым пришел в себя мичман Перегар. Ему пришлось загружать обратно совершенно секретные изделия весом более десяти тонн автокраном грузоподъемностью около шести тонн. На следующий день ракетно-техническая база принимала высоких гостей. Убедительная речь начальника управления вооружения была хорошо слышна из командирского кабинета даже при закрытых дверях. Среди непрерывно бьющего потока слов ненормативной лексики особенно выделялось слово «му…к». Вышестоящие начальники словно вбивали его в голову отличившегося мичмана. После воспитательной беседы и предупреждения о неполном служебном соответствии за Перегара взялись два особиста. Командира части от скорой расправы спасло пошатнувшееся здоровье. Его «топтали» с особым остервенением. На недостроенные командирские гаражи ходили смотреть как на картинку в учебнике для дураков. Капитана третьего ранга Василия Рысина не тронули. Накануне сомнительной сделки он уговорил командира подписать накладную о

передаче контейнеров мичману Перегару. Получатель же груза долго отказывался расписываться в накладной, словно чувствовал какой-то подвох.

И все же взыскание капитану третьего ранга Василию Рысину объявили. Начальник управления вооружения решил лично убедиться, что ракеты на месте. Он даже забрался на телеги и залез в контейнеры. Номера на ракетах совпали, сами изделия не пострадали. Однако не исчерпанное раздражение требовало выхода. Зоркие начальствующие глаза искали, за что зацепиться, и нашли-таки. На грузовой балке забыли указать дату последней проверки на грузоподъемность.

Приказ о наказании начальника отдела хранения ракетного вооружения в канун Нового года не звучал так грозно, как у остальных участников описываемых событий.

Поверьте, выговор – это не конец служебной карьеры. Одним выговором больше, одним меньше. Как говорится, война все спишет.

Еще поверьте, что на Новый год снаряд попадает в одну и ту же воронку.

Вячеслав СКАЛАЦКИИ